

БЕСЕДЫ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ ЧУКОВА

Беседа 204

ВНУТРЕННИЙ ПРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН

Если мы говорили, что истинная нравственность присуща только людям религиозным, потому что только религия дает самые высокие и чистые побуждения для деятельности и сообщает нужные силы для этого; то этим вовсе не отрицается возможность нравственности относительной и у тех людей, кто нерелигиозен, даже не верует в Бога, отрицает Его. Апостол Павел в Послании к Римлянам (2, 14—15) писал: «Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона написано у них в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую». Итак, многим сердце подсказывает, что законно и что не законно, что хорошо и что дурно. Если животные, как неразумные существа, руководятся в своем поведении инстинктом, то у человека есть нравственное сознание и нравственное чувство, которые являются руководителями его поступков. Это нравственное сознание составляет самую природу нашего духа, как созданного «по образу и подобию Божию», как отражающего в себе самое существо Божие. Бог есть Высочайшее Добро, и нам, носящим в душе отпечаток этого добра, по самой природе нашей свойственно стремиться к добру и отвращаться от зла. Как глаз в теле по самому устройству своему способен видеть и различать предметы, их форму и цвет; хотя есть люди и с слабым зрением или и совсем помраченным. Так и наш ум в нашем духе, по самой природе своей, способен различать доброе и худое в наших поступках, хотя есть среди людей порочные и преступники. Это последнее обстоятельство говорит только о неправильном нравственном состоянии людей. Как нравственное сознание составляет природу нашего духа, так же точно прирождено нам и нравственное чувство: мы по природе способны переживать в своем сердце довольство или недовольство своими поступками. Это нравственное чувство, как и нравственное сознание, конечно, не всегда и у всех одинаково. Иногда человек не смущается своими порочными поступками и даже находит временное наслаждение в служении какой-либо греховной страсти. Но это не потому чтобы он по природе не способен был чувствовать удовольствие от добра и страдание от зла, а потому что и наши нравственные чувства могут так же притупляться, как и физические. От долгого пребывания в спертом воздухе наше обоняние тупеет, и мы не чувствуем тяжелого смрада этого воздуха; так точно и привыкая к порочному поведению, человек теряет чувство стыда: он, например, так привыкает ко лжи, что не только не смущается, говоря неправду, но и сам начинает верить тому, что выдумывает для других. Это нравственное сознание и нравственное чувство и составляют внутренний или естественный нравственный закон, живущий внутри каждого человека, в его сердце, закон врожденный, присущий человеку по природе, по естеству. Он указывает человеку путь добра и побуждает

его идти этим путем. На этот именно закон указывает Христос, говоря: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Этот внутренний нравственный закон, как присущий нашей природе, является всеобщим, и хотя у различных людей в различные времена и в различных местах нравственное сознание и нравственное чувство бывают разноречивы «и нет такой мерзости, которая не признавалась бы где-нибудь и когда-нибудь за добро» (В. С. Соловьев), но это не мешает людям всегда проводить грань между явлениями добрыми и дурными... Этот внутренний нравственный закон является обязательным, требующим подчинения себе независимо от того, хотим мы или не хотим этого. Мы легко можем допустить, что кто-либо не подчиняется нравственному закону, но никогда не примиримся с тем, что кто-нибудь не должен ему подчиняться. И все это потому, что этот внутренний нравственный закон есть по происхождению своему Божественный — это воля Божия, написанная в сердцах людей. Апостол Павел говорит, что об этом внутреннем нравственном законе свидетельствует наша совесть: в ней проявляется этот естественный нравственный закон; она говорит каждому человеку, хорош или дурен его поступок. Совесть — это сознание того или иного характера наших поступков и помогает нам внутренне расти, стремиться к совершенству, уничтожить в себе раздвоения между тем, что мы есть, и тем, что мы должны быть. Она прежде всего налагает требования нравственного закона к каждому отдельному поступку, являясь, таким образом, нашим законодателем. У каждого человека, как бы низко он ни стоял по своему нравственному развитию, непременно есть сознание известных нравственных норм, тех идеалов, по которым определяется его жизнь. У человека наиболее развитого эти нормы слагаются в цельную систему и сводятся к одной господствующей идее (служение Богу, служение благу общества); у большинства же нравственный закон создается в виде отдельных заповедей, имеющих отношение к тому или другому поступку. Совесть следит за точным осуществлением требований нравственного закона в каждом нашем поступке, являясь нашим Судией. Совесть судит, обсуждает наш поступок со стороны его нравственной ценности, судит и нас самих со стороны нашего нравственного достоинства. Этот суд совести всегда неподкупен и беспристрастен. Наконец, совесть является нашим мздовоздаятелем, наказывая за дурное внутренними муками или награждая за доброе сознанием внутреннего удовлетворения. Если мы сознаем, что наш поступок не соответствует норме, указываемой нашим нравственным сознанием, мы испытываем угрызения совести — мучительное чувство внутренней боли и недовольство собой. Если совесть нас одобряет, мы чувствуем внутреннее удовлетворение, духовную радость, духовный подъем, когда хочется как бы всех объять, всех вместить в свое сердце...

Таков внутренний закон, написанный в сердцах наших, такова сущность совести, как проявление нравственного закона. Она указывает нам, что хорошо, что дурно, побуждает нас стремиться к хорошему, избегать дурного. Это наш воспитатель, руководящий нас на пути жизни. Это и неумолимый судья, обличитель, который беспокоит, мучит, карает, никогда не утихает, всегда и везде требует отчета и ставит на вид то, что нехорошо в наших поступках. И всем этим она приводит человека к сознанию греховности и раскаянию. «Совесть заговорила» в

братьях Иосифа, когда они с плачем пали пред ним в Египте. «Совість заговорила» в Давиде, когда обличил его пророк Нафан. «Совість заговорила» в разбойнике, когда он увидел на кресте Идеал кротости, человеколюбия и терпения... И это осуждение совести привело их ко спасению.

И в нас совесть постоянно «говорит», но мы-то не всегда ее слушаем, а, наоборот, разными лукавыми соображениями ума стараемся усыпить ее, заглушить, замолкнуть, чтобы она не докучала нам, не бередила души, не доставляла мучений... А между тем эти мучения, эти угрызения совести спасительны, ибо ведут к раскаянию, к исправлению и спасению. Не отмахиваться, не заглушать, не отворачиваться надо от осуждения совести, а смело и чутко прислушиваться к ее голосу, потому что только тогда у нас будет искреннее раскаяние в поступках, только тогда возможно исправление и возможен нравственный рост. Аминь.

Беседа 207

ЗАКОН НОВОЗАВЕТНЫЙ — ЕВАНГЕЛЬСКИЙ

Мы видели в прошлой беседе, что для совести нашей, часто погрешающей и лукавой вследствие греха, необходим положительный внешний закон, который ясно открывал бы волю Божию, ясно говорил бы совести, что хорошо и что дурно. И Господь дал этот закон в виде 10 заповедей, вознесенных через пророка Моисея избранному народу еврейскому. Закон этот был только подготовительным, носил воспитательный характер, имел в виду подготовить нравственно грубый и жестокий народ (опустившийся) к принятию высшего совершеннейшего закона Христа — евангельского, имел в виду восстановить в совести первоначальный чистый образ богоподобный... И вот, когда исполнилась «полнота времени» (Гал. 4, 4—5), то есть когда совесть человеческая до известной степени созрела, тогда Господь благоволил даровать людям закон совершенный, евангельский. Это не была отмена закона Моисеева, но его усовершенствование. «Я пришел,— сказал Христос,— не нарушить закон, но исполнить», сделать его более полным, восполнить. И Он изложил этот новый совершеннейший нравственный закон в Своей Нагорной беседе. Тут Он изложил всю сущность его. Все другие Его беседы, речи и проповеди были лишь более подробным раскрытием, разъяснением и наглядным освящением того, что Он высказал в этой великой беседе (Мф. гл. 5, 6 и 7).

Так новый евангельский закон, данный на горе в Галилее, был лишь восполнением, усовершенствием ветхозаветного Моисеева закона, данного на Синае. Это были два откровения одного и того же нравственного закона. Но как они не одинаковы, как они разнятся один от другого! Различие не только в содержании заповедей, но и во внешних обстоятельствах дарования, и в способах предьявления его, и в характере побуждений к исполнению его. Там, на Синае, Господь возвещал эти заповеди, по словам Библии, как всемогущий Владыка вселенной, грозно, величественно являя Свое присутствие в блеске молнии, в раскатах грома, в колебании горы, дыме и облаке. Здесь воплотившийся Сын Божий беседует с людьми лицом к лицу, как любящий отец со своей семьей. Здесь нет грозных, устрашающих человека явлений природы.

Народ не отказывается в страхе и трепете, как там, слушать заповеди непосредственно из уст Господа, но сам ищет Его, теснится к Нему, алчет и жаждет услышать Его слово (Мф. 4, 25; Лк. 6, 17—19).

Там, на Синае, заповеди были даны в виде властных повелений — прямых, решительных требований. Здесь милосердый и любвеобильный Спаситель не повелевает Своим слушателям, а убажает их: «Блажени нищие духом...», «блажени плачущии...», «блажени кротции...», «блажени милостивии...». Там, на Синае, главными побуждениями к исполнению закона выставлялись страх и расчет: земные блага в награду за исполнение закона и тяжелые испытания за нарушения: «да благо ти будет и да долготелен будеши на земле». Здесь Христос побуждает людей к исполнению Своих повелений не угрозами наказаний, не обещаниями земных благ, но указывает, что в самом исполнении этих заповедей сокрыт источник духовного удовлетворения, блаженства, счастья. «Блажени чистые сердцем, ибо они Бога узрят», «...сынами Божиими нарекутся» и пр. (Мф. 5, 8, 9). Там, на Синае, почти все заповеди (кроме 10) говорят о внешнем поведении человека, о том, каковы должны быть его действия, его поступки. Причем указывалось большею частию не на то, что он должен делать, а на то, чего он *не* должен делать... Здесь Спаситель убажает не того, кто только уклоняется от зла, но того, кто возрастает в добре. Здесь Он требует от людей не внешних только дел, но прежде всего их сердечной настроенности, сердечного расположения, чистоты внутренних помыслов, что одно только и дает нравственную цену делам людей. Христос запрещает здесь не только убийство, но и напрасный гнев и бранное слово против ближних, не только разврат, но и нечистый взгляд, нечистое пожелание; не только запрещает мстить (око за око), но и заповедует любить врага. Христос учит не искать у людей похвалы и уважения при своих добрых делах — в милостыне (Мф. 6, 1), в посте (6, 17—18), в молитве (6, 6). Христос сравнивает чистоту нашего внутреннего настроения в делах с человеческим глазом: как глаз в теле, так сердце наше в душе должно быть светло и чисто, тогда и вся жизнь наша будет светла и чиста. Пример лепты бедной вдовы, где все значение имело ее доброе, чистое намерение (Мф. 12, 43).

Так в Нагорной беседе, в частности в заповедях Блаженства, Христос начертал совершеннейший образец жизни, свойственный Его последователям. Здесь, по слову Златоуста, «от первой заповеди, пролагая путь к последующей, Христос сплел нам золотую цепь. Ибо смиренный будет и оплакивать свои грехи, оплакивающий свои грехи сделается кротким, тихим и милостивым; милостивый — праведным и чистым и сокрушенным сердцем, а такой будет миролюбивым. Кто же достигнет всего этого, тот будет готов к опасностям, не устрашится злоречия и бесчисленных бедствий».

Так Христос возводит Своих последователей на высоту нравственного совершенства, не отменяя древнего откровенного нравственного закона и не повторяя его, но переводя его с вещественных скрижалей на скрижали человеческого сердца, указывая, каков должен быть человек в своих мыслях, желаниях и чувствах. Если там, в законе ветхозаветном, определялись поступки человека, то здесь, в законе евангельском, Христос выяснил во всей полноте и обширности принципы, основные начала и самый дух откровенного закона, свел все многочис-

ленные предписания к единству, к уяснению той главной цели, осуществление которой должно быть задачей всей жизни человека.

Совість, воспитанная постепенно под воздействием ветхозаветного закона Моисеева, видит здесь в евангельском законе не только совершеннейшее выражение воли Божией, призывающей людей в единение любви Божией, но и чувствует в этом откровенном совершеннейшем законе собственный закон человека, вполне соответствующий глубоким требованиям человеческой природы, созданной по образу и подобию Божию,— закон, совпадающий с собственными внутренними стремлениями возрожденной воли человека. Поэтому апостолы, называя ветхозаветный закон «законом буквы» (2 Кор. 3, 6), «законом заповедей» (Еф. 2, 15), евангельский закон называют «законом духа жизни» (Рим. 8, 2), законом свободы; потому что он совпадает с собственными стремлениями обновленного человека, который исполняет его не вследствие внешнего принуждения, а, руководимый благодатью Духа Святого, он творит добро по движению своего внутреннего настроения добровольно, охотно; словом, живет по закону Божию, как по естественному закону духовной жизни. Поэтому-то ап. Иоанн Богослов и называет новозаветный закон «не тяжким», легким (1 Ин. 5, 3), поэтому-то и Христос назвал «иго» Его повелений «благим и бремя легким» (Мф. 11, 30).

И это особенно потому, что Христос не только дал людям закон, вполне совпадающий с собственными внутренними движениями человеческого сердца, но и даровал и дарует нам благодатные силы к исполнению его — в Церкви Своей, в молитвах, богослужении, таинствах. Поэтому евангельский закон есть «закон благодати» (Гал. 2, 21), есть «сила Божия ко спасению всякому верующему» (Рим. 1, 16).

Мы под этим благодатным законом. Наша совесть может ясно видеть истинную волю Божию и безошибочно усматривать в наших поступках, словах и душевных движениях вину. Но всегда ли мы усматриваем? Не чаще ли стараемся не видеть, хитрыми доводами разума успокоить себя? Но в таком случае не тем ли более вины на нас, что мы, имея ясное указание воли Божией, имея благодатную помощь ко исполнению ее, все-таки уклоняемся на сторону злой воли и заглушаем голос совести? О, как мы неблагодарны к попечению о нас Господа! Как должны сокрушаться, скорбеть и молиться горячо и усердно! Молиться, чтобы Господь просветил нашу мысль, укрепил волю и помог нам со всей любовью творить в жизни Его святую и всеблагую волю. Аминь.

Беседа 208 ХРИСТИАНСКОЕ ВОЗЗРЕНИЕ НА СМЫСЛ И ЦЕЛЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Из прошлых бесед мы узнали, что для руководства извращенной вследствие греха совести Господь дал внешний положительный нравственный закон, открытый сначала чрез Моисея в десяти заповедях, и восполненный, возвышенный, в совершенстве раскрытый Христом Спасителем в Его Нагорной проповеди. Здесь Христос объединяет все многочисленные предписания закона и сводит их к уяснению той главной цели, осуществление которой должно быть задачей всей жизни человека. Рассмотрим же, какова должна быть задача жизни человека, какой смысл его существования, какая цель его жизни. Потому что от уясне-

ния цели жизни зависит и то, как должен жить человек, каковы должны быть его поступки, его настроение, его внутреннее направление, его нравственность.

Вопрос о том, что такое жизнь, чего в ней искать, в чем ее смысл и цель — один из самых жгучих, неотвязных вопросов, никогда не перестающих волновать человечество. Невольно задается вопросом этим и юность, вступая на не изведанный еще самостоятельный путь жизни; ищет на него ответа и зрелый человек, сталкиваясь с жизненными невзгодами; спрашивает о нем и угасающая старость при виде близкого заката жизни. Много разных ответов придумано людьми на этот важный вопрос, но мало дают они удовлетворения человеку. Много пытливых умов и горячих сердец разбились в сомнениях при встрече с безысходными трудностями при решении его, вдаются в глубокое отчаяние, теряют интерес к жизни и иногда насильственно прекращают ее; другие закрывают глаза, стараются заглушить в себе все высшие запросы духа и жить, как живется, не думая о смысле и цели жизни... Но трудно убежать человеку от этого тревожного рокового вопроса; пока он остается человеком, вопрос этот непрестанно поднимается в его душе.

Одни говорят, что жизнь — это пир, наслаждение, праздник. Другие, наоборот, что жизнь — это зло, несчастье, страдание. Третьи — что жизнь есть осуществление высших идеалов истины, добра, правды. Четвертые, не видя в действительности этого осуществления, говорят, что жизнь — это какое-то неразрешимое противоречие, неразъяснимая загадка, тайна. И долгие еще, может быть, человеческая мысль будет бесплодно мучиться, биться над этим вопросом. А между тем прошло уже 19 веков, как людям дан ответ на этот вопрос, открыто такое воззрение на жизнь, которое разрешает все трудности, устраняет все противоречия, которое и необыкновенно глубоко, и в то же время поражает простотою, так что его одинаково могут усвоить и образованные, и простецы, и взрослые, и дети. Не человеческим умом придумано и составлено это воззрение: оно дано в божественном откровении, принесено Христом Спасителем.

Определяя смысл и цель человеческой жизни, Христос расширяет пределы жизни, освобождает ее от узких рамок только одного земного существования и говорит, что жизнь — это *вечная жизнь*. Она не ограничивается только землею, смертью. Это есть лишь первая стадия жизни. Она продолжится за гробом навеки. Человек — сын вечности. Его здешняя жизнь — это капля в море сравнительно с его вечной жизнью...

«Се есть воля Пославшего Мя, да всяк, видяй Сына и веруяй в Него, имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 40; 1 Кор. 15, 19). Вечная жизнь не есть только исключительно и будущая жизнь за гробом. Конечно, во всей полноте она возможна только там, но для христианина она начинается уже здесь, на земле: «Истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Мя имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но приходит от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24). «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имать живот вечный» (Ин. 6, 54). В чем же сущность и содержание этой вечной жизни, которая служит уделом христианина? Ответ дает Христос: «Се есть живот вечный, да знают Тебя единого истинного Бога и Его же послал еси Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). Вечная жизнь — это познание Бога. Но познание не холодное, рассудочное, одним умом (да такое по-

знание о Боге невозможно), а познание непосредственное, чрез внутреннее общение с Богом, когда человек ощущает, переживает в своей душе присутствие Бога, когда Бог входит в сердце человека и поселяется там и руководит всецело жизнью человека, так что христианин может сказать о себе, как апостол Павел: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Таким образом, конечная цель человеческой жизни, по учению Христа, состоит в самом тесном внутреннем общении, в единении с Богом. Эта цель от начала заложена в природу человека, сотворенного по образу и подобию Божию: душа всегда стремится к Богу, к добру, правде. И человек бывает счастлив, пока поддерживает этот союз с Богом. Когда в грехопадении он нарушил этот союз, искавил свою природу, он мучился, вновь стремился (и стремится) вернуться, но ослабленные грехом его духовные силы не могли сами по себе восстановить этот первобытный союз и привести к блаженству. Тогда Сам Бог сходит человеку на помощь в человеческой плоти, восстанавливает падшую природу и первоначальный союз с Богом, дает силу к этому и таким образом возвращает потерянное блаженство. К этому блаженному общению с Богом и должен теперь человек направлять всю свою жизнь, отображая в своей душе, в жизни бесконечные совершенства Божии, уподобляясь Богу в Его святости, добре и правде. Конечно, у человека есть другие ближайшие, земные цели его жизни, и он должен их осуществлять. Но это цели второстепенные; их надо обращать на служение главной цели, которую Спаситель указал в словах: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). Эта указанная Христом Задача жизни бесконечно светла и выше всех тех разнообразных идеалов жизни, которые человек намечал и намечает для себя усилиями собственной естественной мысли. Здесь истинный немерцающий свет; там — лишь ненадежные обманчивые огоньки. Христианское понимание задачи жизни, объединяя в себе все то доброе, что есть в разнообразных попытках естественной человеческой мысли, и в то же время устраняет все противоречия и затруднения в вопросе о смысле и цели человеческой жизни. Люди ищут добра, правды, стремятся к счастью. Разве не правы они? Ведь они чувствуют в себе стремление к этому, заложенное в природе. И вдруг, при столкновении с действительностью, все эти стремления рушатся... (Кто видел на земле полное безмятежное счастье?) Кто скажет, что истина, добро, правда царят на земле? Естественно прийти в отчаяние от этих рухнувших надежд и ожиданий. Но истинного христианина не смутят эти крушения, эти противоречия жизни, потому что он знает, что здесь, на земле, он путник и странник, и он умеет мириться со всеми неудобствами и неприятностями пути. Он благодарит Бога за всякую радость, за всякий успех и не унывает среди неудач и лишений. Он верит, что если не здесь, на земле, то там, за пределом гроба, настанет полное торжество всего высокого, светлого, чистого. По слову и примеру Христа он знает, что неприятности — только путь скорбный, но очищающий, одухотворяющий и поднимающий человека. Он знает, куда идет, и неуклонно стремится к общению с Богом — Вечной Истиной и Правдой, — к общению, в котором залог неизреченного блаженства и счастья. Псалмопевец некогда спрашивал: «Скажи ми, Господи, путь, в онь же пойду» (Пс. 142, 8). Апостол Фома также недоумевал: «Како можем путь ведети?» (Ин. 14, 5). И как бы в ответ всем тем, кто ищет пути, смысла и цели жизни,

Господь говорит: «Аз есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). За Ним надо идти, Его искать, Ему следовать, и Он приведет к нескончаемому блаженству в вечности. Аминь.

Беседа 209

ОСНОВНОЕ НАЧАЛО ХРИСТИАНСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ

Вы видели, что только христианство указывает истинный смысл и цель жизни, только христианин знает, что цель жизни — познание Бога, непосредственное общение с Ним, стремление к Нему, бесконечное совершенствование. Но знать цель — еще не значит достигнуть ее; можно прекрасно знать цель и в то же время удаляться от нее. Чтобы истинная цель жизни была достигнута, надо знать тот путь, который ведет к ней. Где же этот путь, который неукоснительно привел бы нас к блаженному общению с Богом? Намечая жизненный путь христианина, Спаситель не дает множества частных правил и предписаний, которые определяли бы каждый его шаг. Он видел на современных Ему законниках, что это излишне и неудобноисполнимо; Он видел, что в погоне за исполнением мелочных предписаний закона забывалось главное в нем: суд, и милость, и вера (Мф. гл. 23). Христос ценит дела и поступки человека, как выражение известного настроения души. Истинная праведность, по учению Спасителя, не во внешнем исправлении поведения, а во внутреннем обновлении, в перемене духовной. Поэтому грешник-мытарь оказывается ближе к Богу, чем внешне праведный фарисей; ничтожная лепта бедной вдовы, положенная от искреннего сердца, оказалась жертвой, превосходящей значительные, но холодные жертвы богача... И вот, вместо отдельных наставлений на разные случаи жизни, Спаситель указывает одно руководящее, одушевляющее начало для всего вообще поведения человека. Усвоив это начало, всецело проникшись им, человек сам может определить, как должно ему поступать в каждом отдельном случае, чтобы остаться в нравственном отношении безупречным.

Какое же это начало для деятельности христианина? Мы привыкли слышать, что в мире духовном самое важное — это вера. Она — основа всякой религии; она — неперемнное условие спасения. Но вот что говорит апостол Павел (1 Кор. 13, 2): «Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всякую веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею, то я — ничто...» И дальше «теперь пребывают сии три: вера, надежда и любовь, но любовь из них больше». Таким образом, любовь — вот главное в нравственном мире. И действительно, когда законник спросил Христа Спасителя: «Какая заповедь большая в законе», Христос ответил: «Возлюби Господа Бога твоего...» и «ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 35—40). В этих двух заповедях «весь закон и пророки». А в прощальной беседе с учениками Господь ставит любовь отличительной чертой Своих последователей: «По этому будут знать, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). И апостолы в своих посланиях единодушно раскрывают ту же мысль. Апостол Петр говорит: «Более всего имейте любовь между собою, потому что любовь покрывает множество грехов» (1 Петр. 4, 8). Апостол Иоанн Богослов, этот апостол любви, особенно подробно раскрывает учение о любви, как важнейшее благо человека:

«Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога; кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 7—8). Апостол Павел, называющий любовь «совокупностью всех совершенств» (Кол. 3, 14), говорит, что любящий исполнил весь закон (Рим. 13, 10).

Вдумайтесь хорошо в эти слова Христа и апостолов. В те дни люди совершали свой путь к небу исполнением 10 заповедей и бесчисленного количества предписаний, которые сами произвели из этих заповедей. Христос же говорит: если вы исполните это одно — любовь, — вы исполните все заповеди и все предписания, даже не думая о них. Возьмем любую заповедь и увидим. «Ты не должен иметь других богов, кроме Меня» (2-я зап.). Если человек любит Бога, нужно ли ему говорить об этом? Любовь к Богу допустит ли его изменить Ему? «Не призывай имени Господа Бога твоего всуе» (3-я зап.). Подумал ли бы когда-либо человек призывать напрасно имя Господа, если бы любил Его? «Помни день субботний и храни его свято». Разве не был бы счастлив человек, отдавая один из семи дней Тому, Кого он любит? Любовь с наслаждением выполнила бы все эти заповеди по отношению к Богу.

То же и в отношении к ближнему, Если бы человек искренне любил ближнего, надо ли было бы его убеждать почитать отца и мать свою? Мог ли бы он поступить иначе? Было бы нелепо говорить ему, чтобы он не убивал ближнего; вы только обидели бы его этим. Вы оскорбили бы его, если бы стали внушать ему, что он не должен красть у ближнего своего, потому что как он мог бы подумывать что-либо взять у ближнего, если он его любит? Было бы излишне говорить ему, чтобы он не клеветал на ближнего. Наконец, возможна ли была бы зависть к ближнему, которого любишь? Ведь истинно любящий сам желает, чтобы любимый обладал всем тем, что и он имеет. Так действительно в любви к Богу и ближнему сосредоточен весь ветхозаветный закон.

Итак, любовь — вот что главное в жизни, на чем мы должны сосредоточить все свое внимание; вот основное руководящее начало в нашей жизни; вот тот путь, которым мы можем достигнуть блаженного общения с Богом.

И можно ли представить себе что-нибудь выше и плодотворнее этого начала для нравственной жизни? Любовь — это выражение полноты внутренней жизни, это — душа нашей души; без нее душа мертва, человек — ничто! (1 Кор. 13, 2). И, наоборот, как бы ни был испорчен человек, но если в его душе теплится хоть слабая искра любви, он еще не потерян, не погиб, еще есть надежда на его исправление. «Отпускаются грехи ее многие, за то, что она возлюбила много» (Мф. 7, 47), — сказал Христос о грешнице, лежавшей в слезах у ног Его.

Без чувства любви жизнь духовная, нравственная невозможна. Мы все знаем о том явлении природы, которое называется притяжением, о той еще необъяснимой причине, которой частицы материи притягиваются одна к другой. Наука говорит, что это свойство существует во всех телах, что оно составляет их сущность. Когда это свойство проявляется между небесными светилами, его называют всемирным тяготением. Когда это свойство является на поверхности земного шара, его называют тяжестью. Это свойство предметов наблюдали с давних времен все те, кто наблюдал природу. Этот закон тяжести, всемирного тяготения не является ли высшим подобием закона любви, который в мире нравст-

венном также должен влечь сердца друг к другу, как тот закон в мире физическом?! Как нет ни одной малейшей частицы вещества, которую можно было бы изъять из закона тяготения, так нет ни одного мыслящего существа, которое можно было бы изъять из закона любви (Берсье, I, 175).

Да, любовь — это закон сердца. Этот закон должен соединять все существа в одну беспредельную гармонию. Вне этого закона, для тех, кто хотел бы остаться непослушным ему, возможно только одно: блуждание, страдание, смерть!.. А те, у кого этот закон горит в сердце, те обладают (и здесь, и там) истинным путем, радостью, жизнью, счастьем! Надо ли прибавлять что-либо в назидание к этому? Вся природа живет законом взаимного влечения отдельных частиц вещества друг к другу. И в мире духовном, нравственном Господом установлен тот же закон взаимного влечения любви. Но в то же время, как там нет ни малейшей частицы вещества, которая не подчинялась бы этому закону, под угрозой всеобщей катастрофы, — в мире нравственном, свободном, разумном сколько видим нарушений этого закона любви! Сколько эгоизма, зависти, злобы, вражды, ненависти!.. Оттого-то так и тяжела нам жизнь, оттого-то она так и катастрофична, и преисполнена бед и зол, что мало в нас любви, мало в нас взаимного духовного тяготения друг к другу, мало сочувствия, поддержки, сострадания, помощи!.. О Господи! умягчи жестокость сердца нашего! Согрей его любовью, чтобы истинным путем мы шли к блаженному общению с Тобой! Аминь.

Беседа 210

ОСНОВНОЕ НАЧАЛО ХРИСТИАНСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ, ЕГО ОСНОВЫ И СОДЕРЖАНИЕ

(Продолжение)

Итак, самое главное в жизни — любовь. Она должна быть руководящим началом в нашей духовной жизни; она тот единственный путь, которым мы можем достигнуть блаженного общения с Богом. Любовь, как основной закон жизни, не только повелевается Богом, но она совершенно естественна: все в мире живет законом взаимного влечения, взаимного тяготения отдельных частиц вещества друг к другу. Кристаллы стремятся друг к другу, образуя более сложные тела; растения стремятся к солнцу и свету; животные инстинктивно стремятся к взаимной помощи и работе (пчелы, муравьи). Так в мире физическом. Так же точно и в мире духовном, нравственном. И как в мире физическом невозможна жизнь без этого закона взаимного тяготения, и нарушение его привело бы к всемирной катастрофе, так точно совершенно невозможна жизнь духовная, нравственная и в мире существ разумных — людей — без этого закона любви. Здесь, в мире человеческом, любовь уже не инстинктивная, а сознательно свободная, служит основой человеческой жизни и личной жизни всякого, и семейной, общественной, наконец, жизни Церкви, как наивысшего союза людей, предназначенных для вечной блаженной жизни в Царствии Божиим. Любовь является главным побуждением и залогом успеха всякой практической деятельности человека; она вливает в него интерес к жизни и работе, без нее человек был бы ко всему равнодушен. Любовь есть залог и личного

счастья: сердце человеческое требует, чтобы его чувство счастья было разделено близким ему существом. Первый человек в раю пользовался всеми благами жизни, но и для него оказалось «не добро быть единому на земле». Так любовь христианская, как главное начало нравственной жизни, глубоко естественна. Но она и Богооткровенна. И если поборники так называемой независимой морали в обоснование ее ссылаются только на присущую человеку способность любви, то мы, христиане, осмысливая свою любовь, говорим, что это не так, что в таком случае и эгоизм также свойствен нашей природе, но он не может быть руководящим началом нашей жизни, потому что мы находим иные внутренние основания, по которым именно в любви мы видим верховное начало и обязательный для всех нас нравственный закон. Какие же и где находим мы эти основания? В Божественном Откровении. Основа христианской любви — в вероучении христианском. Христианство впервые поведало миру, что Бог в глубочайшем существе своем есть Любовь. Глубочайшая тайна внутренней жизни Божества состоит во взаимоотношении любви между Тремя Лицами Единого Бога. Тайна Божественной жизни во Святой Троице есть тайна Божественной любви. «Ты видел Троицу, если видел любовь», — пишет блаж. Августин. И вот это общение любви и единение Лиц Святой Троицы возвещается людям, как высочайший идеал разумной и блаженной жизни, к которому мы должны стремиться. «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... Да будут едино, как Мы едино», — молится Христос Отцу Своему (Ин. 17, 21, 22). Любовь божественная, составляющая глубокую тайну внутренней жизни Божества, обнаружилась и во вне. Бог единственно по Своей любви и благодати вызвал из небытия к бытию все существа мира, чтобы они на себе ощущали блаженство жизни в Боге; даровал им эту жизнь, как высшее благо, и сохраняет ее в Своей всемогущей воле. Таким образом люди — едины по происхождению, братия по крови, одна семья, связанная кровным родством, и братская любовь естественно должна лежать в основе человеческих отношений.

Но христианское учение о спасении продолжает эту дивную проповедь о любви, запечатленную живым примером Самого Богочеловека, возлюбившего людей «до конца» (Ин. 13, 1). Спасение через Христа есть дело одной бесконечной любви Бога к людям. Любовь низвела Сына Божия с неба, любовь предала Его страданиям и смерти для искупления наших грехов: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). Любовь рождает любовь. «Мы любим Его, потому что Он сначала возлюбил нас» (Ин. 4, 19). Человек созерцает безграничную любовь Божественную к себе, так поразительно, так трогательно проявленную на кресте, сознает, что он ничем ее не заслужил. И если еще не огрубела, не очерствела его душа, то не загорится ли он в ответ на эту любовь такую же безграничной бескорыстной любовью? «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтоб он уже возгорелся». И горит и разгорается этот огонь любви, низведенный на землю Христом в душе истинного христианина, и нет, кажется, такой силы, которая могла бы его погасить. «Кто ны разлучит от любви Божией?» — восклицает апостол Павел (Рим. 8, 35—39). И чем ярче горит в душах людей огонь любви к Богу, тем крепче и их взаимная любовь

друг к другу. «Возлюбленные, аще еще возлюбил нас Бог и мы должны есмы друг друга любить», — пишет Иоанн Богослов. Так радиусы круга все ближе и ближе подходят один к другому по мере своего приближения к центру.

Так любовь к Богу — основа нашей любви друг к другу. А любим ли мы Бога? По какому признаку мы можем узнать об этом? Самый верный признак — это тяготимся мы или нет служением Ему? Охотно исполняем свои к Нему обязанности или нехотя? А может быть, и совсем не исполняем? Ведь если мы что-либо делаем любя, то ни в малейшей степени не чувствуем труда, не думаем о нем, а, наоборот, стремимся к нему... И вот пусть каждый ответит в глубине своей совести на этот вопрос: тяготится он исполнением своих обязанностей Богу или нет и соответственно этому — любит он Бога или нет в нем этой любви, а он только думает и говорит, что любит Бога... Да, мало в нас любви к Богу, а потому и мало любви к ближнему. А мало потому, что, погруженные в окружающие нас мелкие интересы, мы забываем о Боге, о Его любви к нам, обо всем, чем мы Ему обязаны. Чтобы сердце наше любило, надо, чтобы оно прониклось и живо почувствовало всю великость любви Божией к нам. Поймите же всю любовь Божию к нам, которых Он сотворил, запечатлел Свой образ, которым дал душу бессмертную, разумную, свободную. Поймите всю любовь Божию к нам в той полноте, в какой она вылилась во Христе. Ведь Он возлюбил нас в Своем Сыне такими, какими мы оказались в отпадении от Него: со всем нашим ничтожеством, со всеми нашими пороками. Он возлюбил нас до жертвы, до креста, до смерти. Припомните эту главную тайну Евангелия. Поймите, что и теперь Он снова идет к нам, готов принять нас, зовет нас, несмотря на наше постоянное падение. Попробуйте понять эту «превосходящую разум» любовь Христову и тогда вы найдете недостающее вам вдохновение любви к Богу. Любовь рождает любовь. Чем более мы будем представлять себе, что явил нам Господь во Христе, тем скорее мы почувствуем в своем сердце тот источник живой воды, который не иссякает вовек, который на пространстве тысячелетий орошал легионы сердец, может быть, более сухих и бесплодных, чем наши, и внес любовь, самоотвержение и преданность туда, где раньше царил только сухой и жестокий эгоизм. Все лучшее и величайшее на земле происходит из этого источника — из проникновения Божественной любовью.

Итак, если сердце наше холодно еще, если оно хотело бы любить, но не любит, удрученное тяжестью своего равнодушия, леностью, земной привязанностью, то не отчаивайтесь: Бог силен оживить и мертвое! Проникнитесь Божией к нам любовью, оживите в сердце Его к нам благоденствия, и эта любовь к Богу в нас возгорится! А м и н ь.

Беседа 211
О ЛЮБВИ КАК РУКОВОДЯЩЕМ НАЧАЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ
(Продолжение)

Любовь — есть главное, руководящее начало нашей жизни, и любовь к Богу должна быть нашим постоянным настроением и вытекать из сознания и созерцания любви Божией к нам. Господь явил бесконеч-

ную любовь к человеку, создав его для счастья и затем не пощадив для него Сына Своего, когда человек утерятил возможность этого счастья — свой душевный мир. Поэтому жизнь человека должна быть всецело жертвой Богу, приносимой ответно любовью на Его бесконечную любовь. Эта мысль могла войти в сознание человечества только с пришествием Христа на землю, Который и явил миру в полноте эту любовь Бога к человеку, и она стала центральной и господствующей в христианском самосознании и настроении. Отсюда в нас все от Бога: наши мысли, дела и чувства — все должно быть обращено к Нему, и жить мы должны так, чтобы все прославляли ради нас Бога. В этом вечный смысл и содержание нашей жизни, наше постоянное настроение. В этом должно быть обоснование нашей любви к ближним. «Возлюбленные, если так возлюбил Бог нас, то и мы должны любить друг друга» (Св. апостол Иоанн Богослов). Но как любить? Любил ближнего и язычник, и неверующий, и ветхозаветный израильтянин. Он любил и любит, потому что видит несчастного, жалкое существо. Но это естественное чувство, вызываемое страданием, побуждаемое сознанием возможности и самому оказаться в подобном состоянии. Это не христианская любовь к ближнему. Любил и любит неверующий ближнего еще потому, что он родственник мне по природе, брат мой, я же сам — что он одно со мной во всей этой живой природе. Но это эгоистическое чувство, уничтожающее личность, не указывающее, что же именно я люблю в ближнем. Это так называемая гуманность (человечность). Но это не христианская любовь к ближнему. Что же именно христианину нужно любить в ближнем, за что любить его? «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга», — сказал Христос. Что же нового внес Он в эту любовь к ближнему? Если человек есть только временное существо, если нет вечности и нет жизни за гробом, то в нем все заслуживает одинакового внимания и любить его можно за все: за ум, красоту, доброту, а также и за страсти и пороки, лишь бы они были привлекательны. Это любовь по слепому влечению, так частая среди людей, родителей к детям, к друзьям, когда нравятся одни страсти. Такова любовь часто супругов (мне нравится в тебе все, даже твои недостатки). Человек здесь любит все то, что ему нравится, не обращая внимания на нравственное достоинство тех качеств, которые вызывают любовь. Не такова должна быть любовь христианская. В основу этой христианской любви Христос положил учение о вечном назначении человека. Если до Христа человек любил ближнего в силу братства по природе, то Христос поведал ему о братстве по назначению, по цели. Все мы дети одного Отца Небесного, все мы искуплены драгоценною кровию Христа; все мы ветви одного дерева — Церкви Христовой, члены одного тела Христова, где страдания одного члена отражаются на жизни всего организма; все мы предназначены к одной цели — жизни в Боге, к вечной Его славе и блаженству. Вот основание христианской любви к ближнему. В старые слова о любви к ближнему Христос вложил новый смысл, и эта древняя заповедь стала теперь новой. Христианин должен теперь любить ближнего не таким, каков он есть со всеми его пороками и недостатками, а тем более не за эти его недостатки, а должен любить его прежде всего за его идеальную природу, не за то, что он есть в своей жизни, а за то, чем он должен быть, за вечное достоинство его природы, Христом воссозданной, обожествленной. Он должен любить брата во Христе, кто

бы он ни был, ибо все люди должны стать сынами Царства Божия, следовательно, все достойны любви. Никакое преступление, никакой грех не может пошатнуть этой любви, потому что при всяком грехе ближний остается наследником Царства Божия. Его грех может вызвать только печаль, скорбь, молитву за него и ненависть ко греху. Так христианин должен любить в ближнем вечное и то, что помогает ему достигнуть вечной жизни. Но Христос внес новое и в то, как христианин должен любить ближнего. Если даже лучшие из язычников могли любить ближнего только сострадательной любовью, если ветхозаветная заповедь повелевала подзаконному иудею «любить ближнего как самого себя», то Христос уже не предписывал любить ближнего как самого себя, а говорил: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас». Теперь степенью и мерой нашей любви к ближнему должна служить не простая естественная любовь к себе, а любовь, узнанная нами от Христа. Она обязывает нас любить других больше, чем себя, любить до готовности положить за них самую жизнь свою: «больше этой любви никто не имеет, если кто душу свою положит за друзей своих». Потому и ап. Павел, говоря о том, какова должна быть наша любовь, описывает ее такими высокими чертами: «Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не брезгует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется (1 Кор. 13, 4—7), все переносит и никогда не престаёт». Наша любовь к ближним должна быть такова же, как любовь Христа. Она долготерпит: благодушна к оскорблениям, как у Христа; милосердствует: скорби других считает своими и стремится всячески облегчить их, как у Христа; она не завидует, ибо любящий желает любимому только счастья и готов отдать все из любви к нему, так же как Христос; она не превозносится, не гордится, старается помочь без шума, как бы не обидеть (как свят. Николай), не думает о сделанном и не ставит себе этого в заслугу, ибо «все от Бога». Она не брезгует — все переносит ради ближнего, по примеру Христа. Причина всего этого заключается в том, что любовь не ищет своего, а сливает себя с любимым, забывая о себе. Она не раздражается при неуспешности, а неуклонно идет по намеренному пути для блага ближнего. Она не мыслит зла, не допускает и мысли о зле в действиях другого, стараясь в самом отъявленном злодее отыскать доброе и, указав ему на него, поднять его... Любовь не радуется неправде, а сорадуется истине, не злорадствует по поводу ошибок ближнего, а содействует ему избежать их и радуется его добру. Любовь все покрывает: и обиду, и зло, и преступления, и грех, любя в человеке искупленное Христом сознание. Любовь всему верит, не подозревая лжи и зла, будучи чиста сердцем. Всего надеется, даже если замыслы человека не увенчались успехом, он надеется во всем на Бога. Все переносит, желая добра ближнему. И никогда не престаёт, не отступая ни при каких обстоятельствах и на земле и это же настроение перенося в вечную жизнь за гробом. Такова христианская любовь к ближним. Она объединяется одним словом — Самопожертвование, исходя из слов Христа: «Больше этой любви никто не имеет, если кто душу свою положит за друзей своих».

Около 60 лет назад у берегов Франции тонул корабль с 200 пассажирами. Когда не было надежды на спасение, в последнюю минуту,

когда отвязывали единственную лодку, видели чудесное зрелище: погибающие уступали ее другим, жизнь которых считали более полезною. И когда лодка удалялась, на палубе погружающегося в воду корабля видели одну женщину, которая сняла с себя плащ и бросила отъезжавшим на лодке, чтобы он защитил от холода хотя бы одного из тех, которые должны были пережить ее!..

Вот трогательный пример и высокий подвиг любви, подобный подвигу Самого Христа, отдавшего жизнь за нас. Это пример истинно христианской любви, который больше чем все наши слова являет величие христианства, которое чудно преображает себялюбивую природу человека. А м и н ь.
